ШУТЪ

1900 №3.

12 ЯНВАРЯ.

Татьяну нашу любимъ пылко...
Татьяну праздновать пора —
И въ честь ея у насъ бутылки
Припасены еще съ утра...
Сегодня, поздно или рано,—
Осушимъ дружно ихъ до дна...
Ура! Да здравствуетъ Татьяна!
Да прославляется она!..

—

Какъ пѣснь студенчества родная —
Татьяна вѣчно молода.
Пускай Татьяна дорогая
Не знаетъ горя никогда!..
Ее всегда мы любимъ пылко:
Она на насъ походитъ всѣхъ —
У ней фуражка на затылкѣ,
А на устахъ и споръ и смѣхъ...

—

Пускай иные, негодуя,
Твердятъ, что гадко пьянымъ быть,
Но вѣдь нельзя жъ Татьяну дорогую
Въ Татьянинъ день не подпоить!..
Профессора пускай въ полъ-пьяна,
А молодежь—совсѣмъ пьяна!!!
Ура! Да здравствуетъ Татьяна,
Да прославляется она!..

Б. Н—въ

Годъ изданія XXII.

КОНТОРА РЕДАКЦІИ:
С.-Петербургъ. Невскій, № 12.
Москва. Контора Н. Печковской.
Редакторъ-Издатель Р. Голике.

ШУТЪ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ СЪ КАРИКАТУРАМИ

№ 3.

$\frac{15}{27}$ Января 1900 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.
Безъ дост. въ СПБ. 6. 50. Съ дост. 7 р. } за ½ г. 4 р.
„ въ Москвѣ 6. 75 „ 7 р.
За границу за годъ . . 10 р.

Цѣна отдѣльнаго № 20 коп.

52 номера въ годъ.

Объявленія по 40 к. за строку петита.

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ.

Марья Гавриловна
САВИНА.

Главный нервъ русскаго драматическаго искусства.

КОЛОКОЛЬЧИКИ.

— Шерочка, это... это ужасно!

— Что?

— У меня родится ни то, ни другое...

— Ничего не понимаю!

— Ахъ, ужасно... Мой мужъ мечталъ имѣть первенца... мы ѣздили къ доктору Шенку, онъ сказалъ, что будетъ маленькая бебе...

— Ну...

— Ну, и сталъ лѣчить бебе въ первенца...

— И?

— И теперь родится ни то, ни другое, — такъ, что-то средняго пола... Вообрази, мы прочли въ газетахъ объ исключеніи Шенка изъ корпораціи профессоровъ, и всѣ его лѣкарства мужъ выкинулъ за окно!

* * *

— Пьеръ, кто у тебя съ визитомъ былъ сейчасъ?

— Не знаю, не то шуллеръ, не то рецензентъ визитъ отдалъ мнѣ.

— Но зачѣмъ же ты дѣлалъ ему визитъ?

— И не думалъ... Въ первый и послѣдній разъ вижу въ глаза... просто карточки поздравительныя мои перепутались и, очевидно, вмѣсто того кому предназначались онѣ, — попали ему!

* * *

— Софья Петровна, собирай дочерей, ѣдемъ назадъ въ Самарскую губернію.

— Что такъ?

— А такъ—зачѣмъ хозяйство и все бросили и въ Питеръ пріѣхали сюды?

— Знамо, зачѣмъ: дочерей замужъ отдавать.

— Ни въ жисть здѣсь не отдать, потому, слышь, въ статистическомъ ежегодникѣ — во какъ доказано, што, можно сказать, брачное дѣло изъ рукъ вонъ плохо стоитъ, жениховъ нѣтъ, жениться некому. Нечего зря тутъ проѣдаться, ѣдемъ домой!

* * *

— Татель... отдай мине шамому што ни на ешть хорошему адвокату въ науку...

— Жачѣмъ?

— Я шибэ буду учиться рѣчи говорить... и какъ тольки кто помретъ, я выскакну уфъ на могилу и ото вшего нашего народа шамаго чувствительнаго рѣчь шкажу.. «Ой вай миръ, шкажу я, и жачѣмъ ви померли, и жачѣмъ ви уфъ могилѣ лежите, уфъ жатѣмъ штобъ я, Борухъ Кикельманъ, прошлавился и какъ шамаго хорошаго рушкова оратора прочелъ вам надгробнаго шлова...»

— Борухъ... нишкни... пошлѣ такого шлова тебѣ нельзя будетъ уфъ Александровскаго рынка штарыми шапогами торговать...

— И што мнѣ пошлѣ эфтого шапогами торговать, кода я могу, какъ шамово настоящаго ораторъ, своимъ шловомъ торговать.

*
* *

— Куда это собирается твой мужъ?

— А-ахъ...

— Ты плачешь,—онъ ѣдетъ далеко?

— Не то... онъ... онъ ѣдетъ къ Мечникову... тотъ будетъ ему прививать, впрыскивать—молодость...

— Прелестно...

— Прелестно? Ты смѣешься надо мной! Но вѣдь тогда я навсегда потеряю надежду остаться молодой вдовой.

*
* *

— На великосвѣтскомъ базарѣ были?

— Нѣтъ... А что тамъ выставляютъ?

— Разныя ненужныя вещи и... молодыхъ дѣвицъ.

— Зачѣмъ?

— Чтобы благотворить бѣднымъ и приносить свою, такъ сказать, посильную дань... и... сбывать съ рукъ залежалый товаръ...

— Какой товаръ?!

— О, конечно, не тотъ, который на столахъ, а тотъ, что въ тысячныхъ платьяхъ за столами стоитъ...

Бурбонъ.

ПРИ ОСМОТРѢ.

Новобранецъ и фельдшеръ.

— Порокъ какой-нибудь у тебя есть?

— Какъ же, какъ же, есть!

— Какой?

— Стало быть, дюже врать гораздъ!

Бомба.

ВЪ АЛЬБОМЪ ЗНАКОМЫМЪ.

Къ окончанію съѣзда «Электротехниковъ».

Много пили, много ѣли
На балахъ и вечерахъ;
Еле-еле вы успѣли
Поболтать и о дѣлахъ.

—

Гг. бенефиціантамъ.

Бенефисы—ужасъ публики,
И конца имъ не видать.
Но нельзя жъ, нельзя же рублики
Безпощадно такъ сдирать.

Калифъ на часъ.

ТЕЛЕГРАММЫ.

Лэдисмитъ.—Англичане сдѣлали вылазку. Буры стрѣляли въ нихъ изъ «Большого Тома» мукой и перцемъ. Расчихавшись и замаравъ въ мукѣ красные мундиры, англичане обратились въ безпорядочное бѣгство.

—

Лондонъ. — Чемберлэнъ въ своей послѣдней рѣчи заявилъ, что онъ очень доволенъ «самъ собой, своимъ обѣдомъ и войной»... Англичане торжественно привѣтствовали такое проявленіе высокаго патріотизма.

—

Самоа.—Исчезъ германскій крейсеръ. Предполагаютъ, что его съѣли туземцы, при чемъ съѣли не только экипажъ, но и самое судно с всѣми снастями и обшивкой.

:?!

МОЙ ЦВѢТНИКЪ.

Есть тайный у меня цвѣтникъ,
Роскошный и благословенный.
Никто доселѣ не проникъ
Черезъ порогъ его священный.
Въ немъ розы, лиліи растутъ
Благоуханно и красиво,
И пальмы дивныя цвѣтутъ,
Раскинувъ листья горделиво.
Лишь изрѣдка, ночной порой
Украдкою я въ немъ бываю
И благодатною росой
Цвѣтокъ я каждый поливаю.
Но никогда не выношу
Цвѣтовъ я, сорныя лишь травы
Я празднымъ людямъ приношу
На смѣхотворныя забавы...

. . . .

Цвѣтникъ тотъ—то душа моя,
Роса—накопленныя слезы,
И тамъ храню ревниво я
Свои мечтанія и грезы.

Nick Benar.

МЕЖДУ ПОДРУГАМИ.

— Ну, Лида, наконецъ я нашла себѣ подходящаго мужа!

— Кто же это?

— Куропаткинъ...

— Куропаткинъ... но ему чуть ли не сто лѣтъ, онъ слѣпъ, глухъ!.. Какой же это мужъ?!.

— И-де-альный.

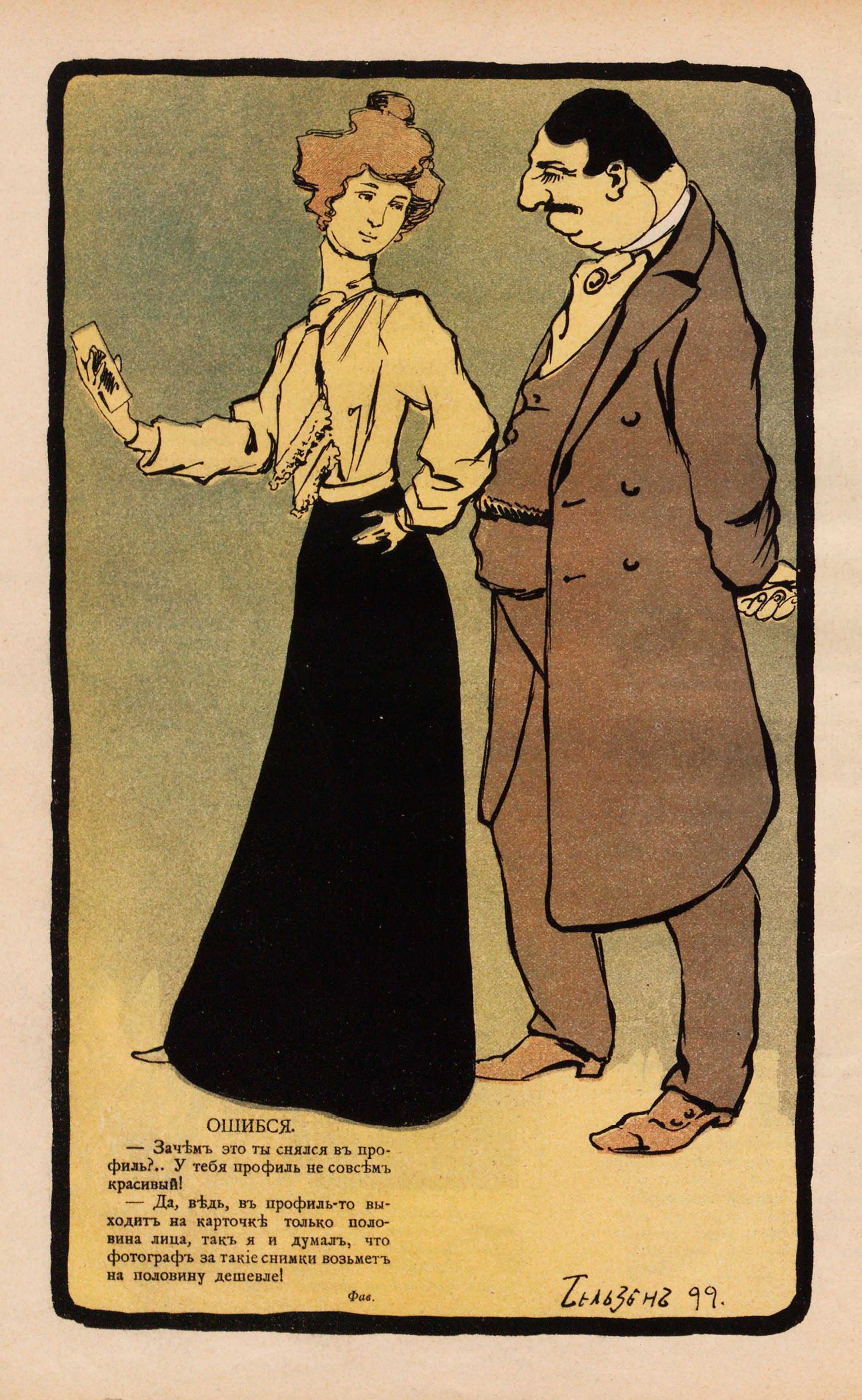
Упрямый осликъ.

— Я увѣрена была, что въ этомъ сезонѣ замужъ выйду.

— Почему?

— Сколько разъ лила воскъ, и каждый разъ выливалась мнѣ чья-то рогатая голова.

ОШИБСЯ.

— Зачѣмъ это ты снялся въ профиль?.. У тебя профиль не совсѣмъ красивый!

— Да, вѣдь, въ профиль-то выходитъ на карточкѣ только половина лица, такъ я и думалъ, что фотографъ за такіе снимки возьметъ на половину дешевле!

Фав.

Фракъ на прокатъ.

ФРАКИ НА ПРОКАТЪ

— *Послушайте! Этотъ фракъ мнѣ кажется страшно узокъ?..*
— *Уфъ, никогда!.. Не изволте бешпоковитша... Вшяково новаво вещь кажется неудобново...*

— *Гмъ... симпатичная!..*

Карлъ Штейнъ. 99.

— *Да вотъ, пожалуй, и случай съ ней познакомиться... Что-то трещитъ!.. неужели это фракъ?!.*

— *Такъ и есть!!. Вотъ тебѣ и случай!.. Ахъ... ахъ... этотъ проклятый еврей!!.*

НАШИ ИНТЕРВЬЮ.

У Крюгера.

Благодаря успѣхамъ современной науки, мы имѣли полную возможность проинтервьюировать героя дня дѣдушку Крюгера, и не только слышать его голосъ, но и видѣть его самого, несмотря на дальность разстоянія.

Для этого мы водрузили телеграфъ безъ проволоки и пристроили фототелескопъ, долженствующій передавать изображенія.

Въ скоромъ времени на экранѣ ясно обозначилась фигура нашего знаменитаго современника, президента Трансваальской республики. Президентъ спокойно сидѣлъ на крылечкѣ своего дома и покуривалъ трубку, выпуская дымъ такими клубами, какой развѣ выпускала при стрѣльбѣ пушка «Большой Томъ» (если только она не стрѣляетъ бездымнымъ порохомъ).

— Какъ? спросили мы.—Вы теперь такъ спокойно покуриваете трубку, въ то время какъ приближается важный моментъ войны — битва подъ Лэдисмитомъ?

— Гм... промычалъ Крюгеръ.— Чего жъ мнѣ безпокоиться. Мои сто пятьдесятъ три внука и двѣсти восемьдесятъ правнуковъ знаютъ свое дѣло.

— Однакоже, по слухамъ, одинъ изъ нихъ попался въ плѣнъ; вѣдь, пожалуй, и другимъ грозитъ то же самое.

— Гм... опять промычалъ дѣдушка.—Вы не понимаете военной хитрости: англичане такъ деморализованы, что даже незначительная поимка одного изъ внуковъ Крюгера подыметъ нѣсколько ихъ духъ. А вѣдь уже извѣстно, что если англичане чувствуютъ подъемъ духа, то они начинаютъ дѣлать глупости. Джонъ! крикнулъ нашъ собесѣдникъ.

Къ удивленію, на экранѣ появился англійскій солдатъ и въ почтительной позѣ сталъ передъ Крюгеромъ.

— Принеси кофе...

Джонъ сдѣлалъ подъ козырекъ и отправился исполнять приказаніе.

— Это что такое? удивленно освѣдомились мы.

— Видите ли, у насъ такъ много англійскихъ плѣнныхъ,—ну, вотъ мы и разобрали ихъ себѣ: кто въ лакеи, кто въ повара, кто въ грумы. Ничего, служатъ. И надо отдать имъ справедливость, что они гораздо лучшіе лакеи, чѣмъ солдаты.

Джонъ принесъ кофе.

— Прошу, указалъ Крюгеръ.

— Помилуйте, президентъ, на такомъ разстояніи, право, не могу дотянуться.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, улыбнулся Крюгеръ.—А жаль... жаль... я хотѣлъ бы сдѣлать вамъ что-нибудь пріятное... Хотите, я васъ познакомлю съ моей женой? внезапно спросилъ онъ.

— Благодаримъ васъ, мы крайне польщены, заявили мы нѣсколько смущенно.—Но, вѣдь, во всякомъ случаѣ это будетъ знакомство на разстояніи.

Мы хотѣли продолжать разговоръ, но Крюгеръ приподнялъ шляпу, раскланялся и заявилъ, что его призываютъ важныя государственныя дѣла.

Мы разобщили телеграфный токъ.

Интервьюеръ „Шута“.

РАЗСѢЯННЫЙ.

— Мой мужъ ужасно разсѣянъ.

— Почему вы это думаете?

— Представьте, онъ объясняется въ любви не только мнѣ, но и всѣмъ моимъ подругамъ.

Тузъ.

ВѢСТИ И СЛУХИ.

— За границей, слышали, прозрачныя свѣчи выдумали, прозрачныя, какъ стекло...

— И у насъ тоже очень много выдумали, если не прозрачнаго, то... призрачнаго, cher ami.

* * *

— Буренинъ ужасно Потапенка за его «Встрѣчу» разнесъ...

— Ошибаетесь, онъ разнесъ его не за «Встрѣчу»... а... а за разлуку Потапенки... съ «Новымъ Временемъ», mon ange!

Бурбонъ.

ПОЭТИЧЕСКІЯ ПОСВЯЩЕНІЯ

друзьямъ и знакомымъ.

Тинскому.

Не слишкомъ любишь маскарады,
А въ клубъ не ступишь и ногой,
Храня обычаи, обряды,
Не донкихотствуешь собой.

Некрасовой-Колчинской.

О тебѣ мечтая, полный лишь тобою,
Я воздушныхъ замковъ миріады строю;
Въ нихъ тебя селю я, ангелъ поэтичный...
— Что воздушный замокъ—лучше домъ кирпичный.

Собралъ Лютикъ.

— Сразу видно, что баринъ самый настоящій, какъ есть,—пока вещи сдавалъ—раза три зуботычинъ мнѣ надавалъ, да худыми словами разъ пять обозвалъ... Баринъ, одно слово, какъ есть!

МАСЕДУАНЪ.

Конечно.

— Проводили праздники?

— Н-да... проводили...

— Ну, что, легко себя чувствуете послѣ нихъ?

— О, да, очень легко... всѣ тяжелыя вещи въ ломбардъ снесены.

—

Еще бы.

— Радуйся, Пьеръ... мы можемъ съ тобою опять кататься на лихачахъ...

— Деньги получилъ?

— Н-нѣтъ, не отъ кого ихъ получать...

— Такъ какъ же?

— Кататься-то? А очень просто: новымъ проходнымъ дворомъ больше... между Песками и Невскимъ устраивается отличнѣйшій проходной дворъ.

—

У доктора.

— Безсонницей не страдаете?

— Нѣтъ...

— Много спите?

— Порядочно...

— Ну, сколько, примѣрно, часовъ?

— Да какъ сказать... да тѣ часы, пока въ правленіи, на службѣ сижу.

—

Поняла.

— Ахъ, какъ бы я хотѣла Гоголя пріобрѣсти...

— Такъ что жъ?

— Да денегъ нѣтъ...

— На что деньги? Сахаръ дома есть, яйца тоже, вотъ только рому нѣтъ, но я гоголь-моголь и безъ рому люблю.

—

Это хорошо.

— Согласно ты съ твоимъ мужемъ живешь?

— Съ нимъ—такъ себѣ, а съ его карманомъ—да!

—

Въ судѣ.

— Обвиняемый, развѣ вы не видите, что вы виноваты кругомъ...

— Не вижу,—вотъ уже годъ, какъ я на оба глаза слѣпъ.

—

Она права.

— Ты поссорилась съ Пьеромъ?

— И очень крупно...

— Но онъ постарается чѣмъ-нибудь загладить свою вину...

— Чѣмъ-нибудь ее загладить нельзя,—за такую крупную ссору обязанъ чѣмъ-нибудь крупнымъ, серьгами или брошью, загладить свою вину.

—

— Мнѣ твой солдатъ, Маша, надоѣлъ!

— Потерпите малость, барыня, онъ скоро унтеромъ будетъ!

Пожалуй.

— Что нужно дѣлать, чтобы имѣть успѣхъ на сценѣ?

— Надо имѣть талантъ и быть хорошей актрисой въ жизни.

—

Очевидно.

— Вы продали мнѣ калоши, но они промокаютъ,—это отчего?

— Очевидно, отъ грязи и мокроты-съ.

—

Въ Гостиномъ.

Въ магазинъ входитъ дама, смотритъ ленты и кружева.

— Сударыня, вы случайно стащили сейчасъ дюжину перчатокъ..

— Я?!.

— Да, вы-съ, я сейчасъ составлю протоколъ...

— Ахъ, не губите... Мой мужъ, о, онъ деспотъ и тиранъ... о, онъ отказываетъ мнѣ во всемъ... я не виновата!.. Вотъ ваши перчатки... о, я знаю, онъ доведетъ меня до тюрьмы!

Бомба.

ЦѢНИТЕЛИ И СУДЬИ.

— На новой опереткѣ были?

— Нѣтъ!

— Интересно, тамъ всѣ пляшутъ и про убійство поютъ...

— Для этого не стоитъ въ оперетку ходить... нынче и въ жизни такъ весело убиваютъ и опереточно судятъ убійцъ, что, право, не стоитъ эту белиберду на сценѣ смотрѣть.

Бурбонъ.

БАРАНЪ-РЕКЛАМИСТЪ.

(басня).

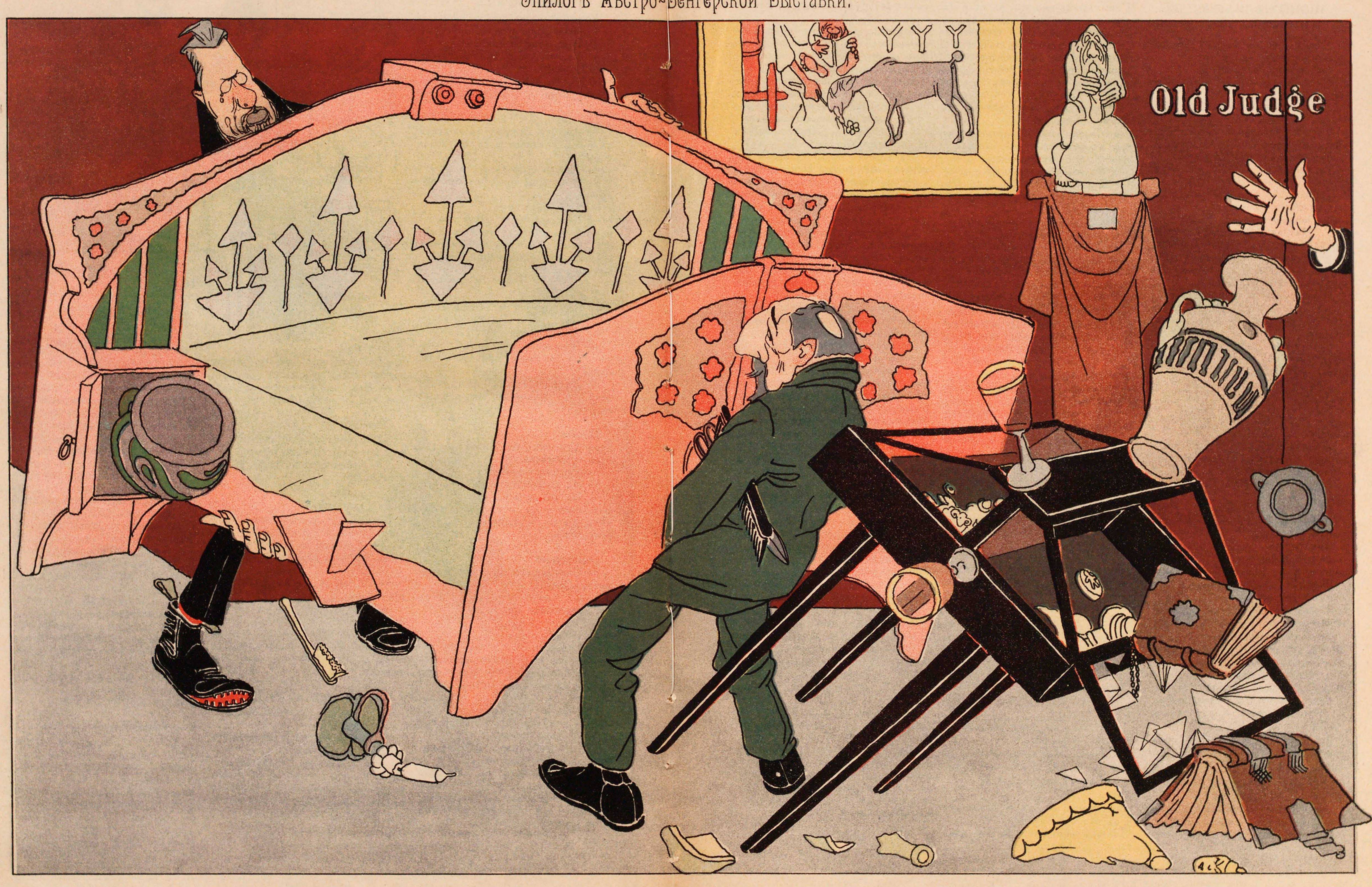
На свѣтѣ жилъ одинъ баранъ.
Ему судьбой былъ рѣдкій жребій данъ:
Онъ родился отмѣннымъ рекламистомъ
И распустилъ повсюду слухъ —
Въ густомъ лѣсу и въ полѣ чистомъ,
Среди звѣрей, среди овецъ-подругъ, —
Что онъ—подъ скромною личиною барана
Таитъ въ себѣ всѣ доблести титана,
Непобѣдимаго въ бояхъ...
И на звѣрей такой нагналъ онъ страхъ,
Что даже львы, цари лѣсовъ, —
И тѣ, забывъ традиціи отцовъ,
Старалися Барану угодить,
Боясь его чѣмъ-либо разсердить...
Баранъ сначала скромно улыбался
И думалъ: «вотъ какой я ловкій молодецъ!»
Потомъ, какъ водится, зазнался
И самъ повѣрилъ, наконецъ,
Въ свое, раздутое рекламами, величье...
И отъ звѣрей, какъ знакъ отличья,
Сталъ вымогать уступокъ длинный рядъ...
И видитъ онъ: всѣ звѣри передъ нимъ молчатъ!
Всѣ разступаются съ почтительнымъ поклономъ...
И сдѣлался Баранъ—маститымъ гегемономъ.

—

Значенье басни ясно сей:
И у людей подчасъ, какъ у звѣрей,
Молва вдругъ превратитъ въ титана
Простого, глупаго барана.

Цынъ-цынъ.

Эпилогъ Австро-Венгерской Выставки.

АПОѲЕОЗЪ И ПРЕЛЮДІЯ.

(театральныя замѣтки).

Цѣлыхъ три бенефиса съ непріятными послѣдствіями.

Во-первыхъ, г. Бестрихъ.

Я не видалъ болѣе неудачнаго бенефиціанта.

Человѣкъ справилъ свой бенефисъ въ участкѣ.

Такого «бенефиса» не дождался еще ни одинъ изъ прогорѣвшихъ антрепренеровъ въ Петербургѣ.

Единственный, въ своемъ родѣ, случай въ театральной хроникѣ.

Много антрепренеровъ попадало въ участокъ, но среди нихъ не было ни одного бенефиціанта.

Г. Бестрихъ доказалъ, что на свѣтѣ нѣтъ ничего невозможнаго.

Если его антреприза лопнула, то просто потому, что всякое терпѣніе можетъ, наконецъ, лопнуть.

Пѣвцамъ плати, примадоннамъ— плати! Плати хору, оркестру... какой же Бестрихъ можетъ это выдержать?

Его артисты сами рѣшились «расплатиться» съ ничего не платившимъ антрепренеромъ.

Они заплатили ему, можно сказать, сторицей.

Въ день бенефиса пѣвцы и пѣвицы отказались пѣть, а оркестръ совсѣмъ не явился.

Бенефиціантъ очутился «solo» передъ публикой, и она его вызвала... въ участокъ.

Спектакль при неблагосклонномъ участіи полиціи.

Но что же дѣлать?

На то и *частная* опера, чтобы очутиться въ *части*.

Послѣдствія другого бенефиса были непріятны только для поклонниковъ г-жи Потоцкой.

Впрочемъ, какъ говорятъ, и для многихъ артистовъ.

Вообразите, что сдѣлала г-жа Потоцкая!

Что она сыграла «Нору»—это еще ничего. Она ее хорошо сыграла. Но г-жа Потоцкая вздумала возвратить излишекъ присланныхъ за бенефисные билеты денегъ.

Кресло стоитъ 10 р. Поклонникъ прислалъ 25 р.—такъ 15 р. ему въ конвертикѣ назадъ!

Разумѣется, всѣ театралы шокированы.

Одинъ изъ нихъ встрѣтилъ меня на Невскомъ, взялъ за пуговицу и жаловался со слезой въ голосѣ.

— Обидно! говоритъ. Послѣ этого какой же я поклонникъ? Таланта не могу оцѣнить во сколько хочу. Я его цѣню высоко, въ 25 р. за кресло; а г-жа Потоцкая за кресло и талантъ «прификсъ» установила. Гдѣ же это видано? Въ театральной лѣтописи ничего подобнаго не было. Даже Элеонора Дузэ такого афронта своимъ поклонникамъ не дѣлала!

И театралъ поднесъ платокъ къ глазамъ.

— Другъ мой! Выплачьте ваше горе на моемъ жилетѣ! сказалъ я ему.—Я васъ могу утѣшить.

— Но чѣмъ? всхлипнулъ онъ.

— Вы забываете, что г-жа Потоцкая по сценѣ считается «ingénue». Разъ ingénue, то по наивности это и сдѣлала. Въ духѣ своего амплуа. Отъ чистаго сердца.

Поклонникъ утѣшился. Но не прошелъ я двухъ шаговъ, какъ на меня налетѣлъ одинъ будущій бенефиціантъ. Онъ былъ свирѣпъ, какъ Отелло.

— А! какова? кричалъ онъ.—Жертвы на алтарь искусству отвергаетъ! Вѣдь послѣ этого всѣмъ намъ тоже придется отъ переплаченныхъ за билетъ денегъ отказываться! Можетъ быть, даже подношенія публикѣ возвращать—сервизы, вѣнки и лавры!

— Но г-жа Потоцкая ingénue...

— Позвольте-съ!.. Она нарушила традиціи бенефиса! Она измѣнила!

— Да вѣдь въ первый разъ! Это ея первый бенефисъ на Александринской сценѣ. Тутъ поневолѣ растеряешься. Она по неопытности молодой бенефиціантки...

— Растеряться можно, но зачѣмъ же деньги терять! Вонъ г. Далматовъ... Онъ на свой бенефисъ цѣны выше возвышенныхъ назначилъ. Высокій талантъ и возвышенное отношеніе къ искусству. 25 рублей-съ за ложу!

— Да, высокоцѣнимый артистъ!

— А г-жа Яворская? Сара Бернаръ по цѣнѣ за кресло!

Я, дѣйствительно, чувствовалъ непріятныя послѣдствія отъ бенефиса г-жи Яворской въ своемъ карманѣ. Кромѣ этихъ послѣдствій, въ видѣ разорваннаго билета, въ немъ ничего не было.

Но и г-жа Яворская пострадала отъ своего бенефиса.

Во-первыхъ, на репетиціи спектакля она занозила ногу, и ей докторъ Склифасовскій сдѣлалъ операцію.

Во-вторыхъ, ей ампутировали руки въ пьесѣ д'Анунціо.

Такимъ образомъ, она ко дню своего бенефиса осталась безъ рукъ, безъ ногъ.

Хочетъ поднять руку—руки нѣтъ, хочетъ сдѣлать па ногой—вмѣсто ноги одинъ башмачекъ!

Трагическое положеніе!

Говорятъ, что послѣ двухъ операцій у г-жи Яворской остался одинъ талантъ, да и тотъ хромаетъ.

Особенно въ стихахъ Софокла.

Г-жа Яворская спотыкалась на каждой цезурѣ.

Но, можетъ быть, въ этомъ виноватъ былъ поэтъ Мережковскій, который перевелъ Софокла хромыми стихами. Я боюсь даже, что именно объ нихъ занозила ногу г-жа Яворская.

Хотѣла перескочить цезуру, споткнулась на второй стопѣ, и пришлось звать врача Склифасовскаго.

Стопа стиха отозвалась на стопахъ, которыми она шествовала къ бенефисному тріумфу.

Заноза повредила «Антигонѣ».

Но за то какого шума она надѣлала въ Петербургѣ!

Болѣе занозистаго бенефиса еще никогда не было.

Театръ былъ полонъ. Всѣ поклонники таланта г-жи Яворской желали увидѣть, куда попала заноза. Бинокли были направлены на каблучекъ г-жи Яворской. Печать писала о закулисной катастрофѣ. Памфлеты посвящались пяткѣ г-жи Яворской. Рецензенты критиковали ея ножку и обсуждали вопросъ, у кого въ мизинцѣ больше таланта: у г-жи Яворской или у Элеоноры Дузэ?

Вотъ что, милостивые государи, можетъ сдѣлать заноза, если она попадетъ въ надлежащее мѣсто.

Американцы зовутъ ее рекламой, и чѣмъ она занозистѣе, тѣмъ лучше.

Борей.

ЗИМНІЕ БѢГА.

Сегодняшніе бѣга прошли при морозѣ въ 20 градусовъ. Программа была составлена интересно.

Наиболѣе интереснымъ бѣгомъ былъ бѣгъ мужей въ ломбарды, на призъ «кому, за что больше дадутъ».

Фаворитомъ бѣга оказался «Пѣвецъ», берущій верхнее «до», а иногда... и чужихъ женъ.

На лучшій призъ «общества поощренія женскихъ язычковъ» бѣжали двѣ дамы... ихъ рѣзвость оказалась равной и онѣ въ одно время пришли къ... печальнымъ результатамъ своей болтовни.

Ме-ке-ке.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ «ЭХО».

Провинція отъ скуки оригинальничаетъ и чудачитъ.

Во градѣ Тулѣ, прославленной родинѣ Косого Лѣвши, объявился нѣкій богатѣй Б., заявившій себя стремленіемъ прослыть Алкивіадомъ. «Въ странѣ непроходимой грязи и первобытныхъ фонарей» новый Алкивіадъ произвелъ сенсацію. Во время чаепитій только и разговору, что о немъ.

Недавно шелъ въ мѣстномъ театрѣ спектакль. Алкивіадъ выждалъ моментъ, когда публика готова была, по окончаніи представленія, выйти изъ театра, и, усѣвшись на перваго попавшагося извозчика, воскликнулъ, обратясь къ его поджидающимъ коллегамъ:

— Ребята, за мной!..

Подумали возницы съ минуту.

— Надо-ть, Акимъ, таё... Баринъ-то больно тароватый... На чай дастъ обязательно...

— Эсто вѣрно... Безпремѣнно дастъ, ежели ему потрафишь... Ѣхай, ребята... Держи лошадь, анаѳема!.. Куды прешь, дьяволъ!..

И цѣлая вереница пролетокъ помчалась за чудакомъ. Вышли зрители,—и онѣмѣли. Нѣтъ ни одного возницы, только издалека видны силуэты Акимовъ, несущихся въ сумракѣ, на манеръ Фараона, преслѣдующаго на колесницахъ евреевъ. Постоялъ обыватель, обругнулся, но—дѣлать нечего!—пошелъ пѣшечкомъ, утопая въ сугробахъ, посыпаемый снѣгомъ и посылающій проклятія на голову шутника. Акимы, само собою, были щедро вознаграждены. Алкивіадъ изволилъ мило улыбаться.

Съ г. Б. могъ бы конкурировать развѣ нѣкій «просвѣщенный пижонъ» изъ Кіева, который на-дняхъ, придя въ экстазъ, потребовалъ, чтобы въ его кабинетъ была подана на блюдѣ, во всей натурѣ, нѣкая этуаль.

Удовольствіе обошлось, какъ пишутъ газеты, ни больше, ни меньше, какъ въ 6000 р.

Добродушный Василискъ.

ЧТО МОЖНО.

— Можно выпить за кого угодно чашу до дна... шампанскаго...

— Протянуть руку помощи... на конькахъ... молодой дамочкѣ.

— Лить слезы... натирая хрѣнъ.

— Раздѣлить пополамъ... душу.

Бомба.

РАЕШНИКЪ.

Наступилъ сезонъ баловъ, маскарадовъ и вечеровъ; справляются бенефисы вездѣ, гдѣ стоятъ кулисы, ликуютъ мазинистки нынѣ,—пріѣхалъ на гастроли Мазини. Опять люди свадьбы справляютъ и Гименея цѣпи надѣваютъ...

Попалъ нашъ Питеръ въ особую бѣду, не достать въ немъ зимой стало льду!.. (чистаго, разумѣется, грязный-то въ Невѣ имѣется). Дивись, честной народъ, устроятъ на Васильевскомъ ледяной заводъ...

Трактиры и рестораны стали фонографами замѣнять органы. Дала наша Дума на школы милліонъ, а Пытлязинскій нынѣ всемірный чэмпіонъ,—Кара-Ахмета на обѣ лопатки положилъ и почетное званіе заслужилъ...

Получилъ Зола отъ почитателей золотую медаль фунтовъ въ пять и ретивѣе прежняго станетъ писать. Младо-турки въ Парижѣ съ Махмудомъ шумятъ, султана знать не хотятъ.

Во Франціи строятъ крейсера-каперы, у Германіи съ Англіей идутъ о захваченныхъ судахъ споры. Досадно смотрѣть, право, какъ нарушаютъ бритты международное право.

Въ Трансваалѣ ихъ буры бьютъ, къ золотымъ пріискамъ подступу не даютъ, а въ Индіи голодъ и возстаніе возбуждаютъ Джонъ-Буля негодованіе... По дѣломъ ему!..

Буферъ.

ВЪ МІРѢ УТОКЪ.

Спѣшимъ подѣлиться отраднымъ сообщеніемъ. Вотъ уже двѣ недѣли прошли послѣ праздниковъ, а дворники, швейцары и вообще прислуга все еще вѣжливы и услужливы. Обыкновенно, дня два—три спустя послѣ получки праздничныхъ подарковъ и чаевъ, прислуга «воротитъ носъ» и хочетъ пожить «на отдѣльной квартирѣ», а тутъ... вдругъ цѣлыхъ двѣ недѣли воздержанія въ дѣйствіяхъ и выраженіяхъ!?!. Фактъ рѣдкій и пріятный!..

Репортеръ Шута „Гусь“.

РѢШИЛА.

— Мамаша, что это за мясо?

— Это мясо отъ лося.

— А-а... это, значитъ, лососина!

Трр...

НОВЫЯ КНИГИ.

С. М. Барацъ, «Курсъ двойной бухгалтеріи».

Г. Барацъ вполнѣ авторитетный знатокъ коммерческихъ наукъ, даетъ въ своей книгѣ теоретическіе образцы бухгалтерскаго дѣлопроизводства, даже по части акціонерныхъ предпріятій. Между тѣмъ я встрѣтилъ двухъ бухгалтеровъ и одного кассира петербургской артели, и всѣ въ одинъ голосъ увѣряютъ, что книга С. М. Бараца плоха. Самаго важнаго отдѣла нѣтъ: какъ надо сводить балансы, чтобы крупная растрата осталась при ревизіи незамѣченной. Каждая порядочная бухгалтерія, и въ особенности ея учебникъ, должны быть пополнены руководствомъ къ надлежащему производству растратъ. Юный бухгалтеръ или кассиръ еще не умѣютъ балансировать цифрами и попадаютъ въ просакъ. Слѣдуетъ ввести отдѣлъ: «игра цифръ и престидижитація итоговъ». Руководство для начинающихъ. Двойная бухгалтерія должна пониматься двоякимъ образомъ. Двойная отчетность непремѣнно предполагаетъ и фиктивную. Активъ для ревизіи и пассивъ въ кассѣ, но настоящее положеніе дѣлъ облечено коммерческой тайной. Конечно, въ книгѣ г. Бараца есть свой «активъ» — положительныя достоинства, но «Шутъ» не можетъ не отмѣтить нѣкотораго «пассива» и дефицита по важному отдѣлу о бухгалтерскихъ растратахъ, приводящихъ людей, малосвѣдущихъ въ балансированіи цифрами, на скамью подсудимыхъ.

Аквилонъ.

ЧЕРНЫЯ ДУМЫ НЕГРА.

⁂ Какъ жаль, что всякій человѣкъ, взглянувъ мнѣ въ лицо, видитъ только одно черное.

⁂ И солнце можетъ быть товарищемъ негру, когда во время затменія станетъ *темнымъ*.

⁂ Можетъ ли когда-нибудь у *негра* быть *свѣтлая* улыбка?

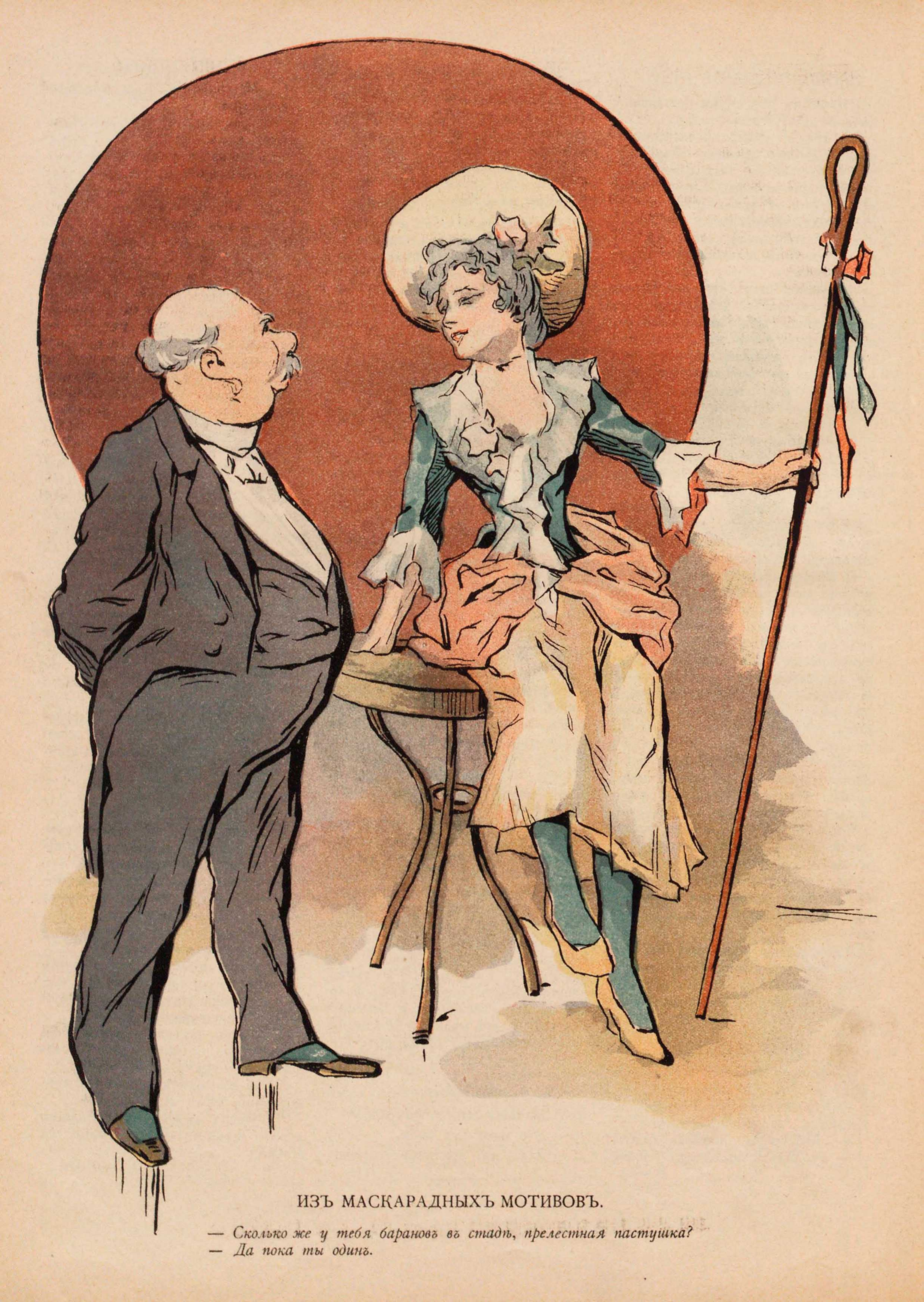
⁂ Какъ сапогъ бываетъ похожъ на лицо негра: онъ такой же черный и, кромѣ того, часто *оскаливается* (когда разорвется).

⁂ Негръ всегда кажется безстрашнымъ, потому что онъ никогда не можетъ *поблѣднѣть*.

⁂ А все-таки лучше имѣть черное лицо, чѣмъ черную душу.

⁂ Негръ имѣетъ преимущество передъ женщинами: его лицо не линяетъ.

Негръ.

ИЗЪ МАСКАРАДНЫХЪ МОТИВОВЪ.

— Сколько же у тебя барановъ въ стадѣ, прелестная пастушка?
— Да пока ты одинъ.

— Нравятся вамъ модные венгерка, шаконъ,—не правда ли, какіе спокойные танцы — надо только ходить!..
— Да... скоро, вѣроятно, выдумаютъ новые танцы, въ которыхъ надо только... сидѣть.

НЕ-ДѢЛЬНЫЕ НАБРОСКИ.

12-е января!!

19-е февраля и 12-е января — два лучшіе дня въ Россіи...

Какъ ярко должно сіять солнце, какъ прозрачны должны быть небеса! Тысячи тысячъ молодыхъ голосовъ звонко шлютъ свою пѣснь — пѣснь молодости, пѣснь надежды на себя, на свои силы, на свое знаніе!

Лучше молодости нѣтъ ничего, — крылатыя надежды своимъ крыломъ разгоняютъ мимолетныя тучи, если онѣ сгустятся на пути.

Пусть будетъ труденъ путь, но молодость легко беретъ препятствія, ея спутница — надежда свѣтитъ путеводною звѣздой, и эта звѣзда зоветъ и манитъ къ себѣ молодое, отзывчивое сердце.

* * *

Старушка Москва празднуетъ праздникъ знанія и юности... нѣтъ, не одна Москва... туманный Петербургъ, красавецъ Кіевъ, Харьковъ, далекая Казань, Одесса — всѣ, какъ одно сердце, радостно встрѣчаютъ этотъ день!

Татьянинъ день!..

Пушкинъ, нося въ себѣ идею — идеальной цѣломудренной дѣвушки, подарилъ намъ перлъ и красоту, увѣковѣчившую русскую честную женщину, и онъ назвалъ ее Татьяною...

Ошибка сердца для нея была, быть можетъ, роковой, но хрупкая, грустная дѣвушка нашла въ себѣ силы остаться вѣрной долгу!

И наша молодежь должна всегда остаться тоже вѣрной долгу!

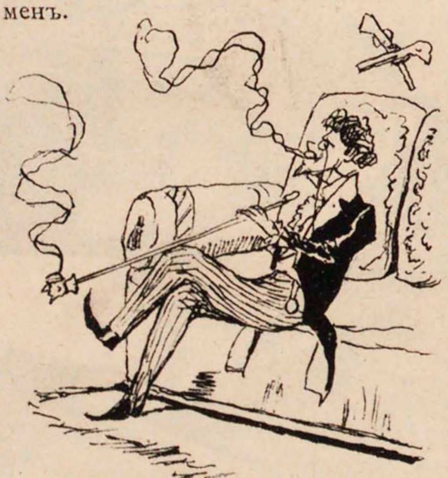
О, пусть молодежь дѣлаетъ долги... долгъ не обманъ, — но пусть ни одинъ изъ нихъ никогда не обманется въ самомъ себѣ!

* * *

Мать должна дать здоровье своему ребенку, общество обязано дать знаніе молодежи: молодежь — дитя общества.

Здоровье и знаніе — это неразмѣнный, вѣрный капиталъ.

Сколько тысячъ юношей прошло въ маленькій, едва замѣтный подъѣздъ милаго московскаго старичка-университета... сколько горячихъ, отзывчивыхъ сердецъ билось въ стѣнахъ невзрачнаго на видъ дома, гдѣ каждый уголъ, каждый гвоздикъ дышетъ еще традиціей старыхъ и, пожалуй, лучшихъ временъ.

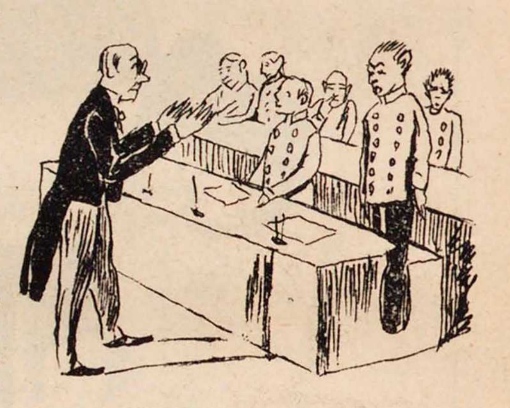
Какъ тѣнь встаетъ передо мною старый, но не забытый студентъ: открытый лобъ, косоворотка, пледъ на плечахъ, въ рукахъ палка суковатая, большая, страшная на видъ...

Зачѣмъ она ему, не умѣющему ни на кого поднять ее?.. Ради моды... Да, и наша молодежь такая же кокетка и модница, какъ и мы!

* * *

Мода прошла, забылась, вмѣсто длинныхъ дьяконскихъ космъ мы видимъ, что гребень и ножницы играютъ предназначенную имъ роль. Но... можно остричь волосы, напомадить ихъ, вмѣсто палки воткнуть шпагу въ бокъ своего сюртука, конечно, вмѣсто пледа, замѣнявшаго и одѣяло, и коверъ въ лѣсу, и шубу — надѣть красивое пальто, сшитое въ разсрочку втридорога благодѣтельнымъ Ицкой или Борухомъ, но... но душа, студенческая молодая душа осталась та же. Ножницы, помада, гребешокъ не прилижутъ, не обстригутъ ее. Можно подстричь молодое деревцо... но развѣ можно подстричь душу? Она спрятана у насъ такъ далеко, и она такъ отвлеченна, что, право, никакъ не добраться до нея!

Душа наша собственная собственность, душа самородокъ!

Тѣло наше муштруютъ съ перваго момента нашего появленія на свѣтъ Божій, умъ воспитываютъ, гордость внушаютъ, самолюбіе обостряютъ, знанія прививаютъ, вообще всячески и по всѣмъ методамъ, умнымъ и глупымъ, развиваютъ, воспитываютъ или портятъ насъ, что часто одно и то же... но душу... душу не трогаетъ никто... ибо — что такое душа? не то паръ, не то квинтъ-эссенція всѣхъ отдѣльныхъ чувствъ, — ее не трогаютъ, она принадлежитъ сама себѣ и потому хотя и рѣдко, но все же попадаются намъ на нашемъ жизненномъ пути «хорошія души».

Въ молодости есть одно, что стоитъ всего — уваженіе своего *я*.

Наша милая, талантливая москвичка Марья Александровна Потоцкая оградила свое *я*, я артистки, отъ... отъ бенефисныхъ чаевъ, которыми наша публика имѣетъ обыкновеніе дарить любимаго бенефиціанта.

Сосчитавъ всѣ плюсы бенефисныхъ цѣнъ, М. А. Потоцкая рѣшила, что она не будетъ въ минусѣ, а вѣрнѣе, останется даже въ большемъ плюсѣ отъ... отъ отказа получки на чай, то-есть, отъ лиш-

нихъ приплатъ къ бенефиснымъ цѣнамъ...

Это, кажется, первая артистка, показавшая, что искусство знаетъ себѣ цѣну и умѣетъ уважать то, чему служитъ.

Какой это хорошій, молодой порывъ!

М. А. Потоцкая не привилась какъ-то въ Петербургѣ... въ Петербургѣ надо прежде женщину, потомъ артистку. Москва... о, Москва прежде всего цѣнитъ талантъ... Быть можетъ оттого въ Москвѣ ярче и крупнѣе таланты, чѣмъ у насъ.

Здѣсь всѣ какъ-то сами для себя. въ Москвѣ—широкъ размахъ и всѣ для всѣхъ.

Здѣсь театръ «литературно-художественнаго общества», какъ онъ величаетъ теперь себя,—это просто суворинскій домашній театръ... и играютъ какъ-то по-домашнему, и... артистки и артисты больше по-домашнему и для домашняго, будто, обихода приглашаются на сцену.

Смотришь, напримѣръ, на какую-нибудь гурію эдема, въ родѣ Гурріэлли, и думаешь: зачѣмъ сіе печальное недоразумѣніе портитъ вкусъ и пищевареніе публикѣ своей игрой.... и.... такія очаровательныя гуріи... переливаясь всѣми радугами фальшивыхъ бриллiантовъ и фальшиво-разлутыхъ талантовъ, какъ мухи въ молокѣ бродятъ по сценѣ суворинскаго эдема, то-бишь, литературно - художественнаго общества.

А въ Москвѣ художественный театръ... но, впрочемъ, онъ скоро пріѣдетъ сюда для того, чтобы поучить и показать какъ надо артистически-художественно относиться къ искусству и... не дѣлать изъ него художества.

А почему тамъ такъ широко, блестяще выполняется задача художественнаго кружка?

Потому что во главѣ стоятъ молодые, полные силъ и «вѣры» въ свое дѣло, люди съ отзывчивымъ, горячимъ молодымъ сердцемъ, а не выжатые лимоны съ кускомъ желчи въ груди.

Да, лучше, свѣтлѣе молодости нѣтъ ничего. Старость должна дать дорогу молодости, должна научить молодость опыту... но не разбивать своимъ брюзжаньемъ молодые побѣги.

Старость уходитъ въ свою скорлупу и, недовѣрчиво брюзжа, выглядываетъ оттуда; молодость общительна, весела... Ахъ, какъ счастливы люди, въ старости сохраняя молодость души.... Мало извѣстный поэтъ О., сохранивши молодую душу, какъ хорошо сказалъ онъ:

Мнѣ говорятъ: Вы безъ разсчета
Живете, старый холостякъ...

Какъ! Эти лица въ цвѣтѣ жизни,
Что жмутъ мнѣ руку, какъ друзья,
Надежда, будущность отчизны—
Неужли это не семья?

Мнѣ говорятъ: самихъ тревожитъ
Васъ часто волчій аппетитъ.
Такъ что жъ? Ко мнѣ явиться можетъ
Обѣдать каждый кто не сытъ!

Одно не ладно: для пирушки
Стакановъ, рюмокъ не найдешь!
Такъ будемъ пить изъ общей кружки...
— За ваше счастье, молодежь!

— Да, будемъ пить изъ общей кружки, за ваше счастье, молодежь!

С.-Эръ Жакъ.

РОДИТЕЛИ О ДѢТКАХЪ.

— У меня Манечка будетъ любящей, хорошей дѣвушкой... Ей еще нѣтъ года, а она уже говоритъ «лю-лю»... Почти «люблю»!..

— А мой Митя будетъ военнымъ! Онъ уже и теперь занятъ военными вопросами... все говоритъ: «Думъ-думъ»! и съ такимъ удовольствіемъ!

— Это нехорошо! «Думъ-думъ» осуждаются!

— Ну, да вѣдь это бредъ ребяческій и больше ничего.

Mens sana.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ «ШУТА».

Москва, карикатуристу.

Ваша карикатура, дѣйствительно, карикатурна. Жаль, что не можемъ воспроизвести ее въ почтовомъ ящикѣ. Вы, очевидно, полагаете, что смѣшное заключается въ нелѣпомъ. Достаточно нарисовать на маленькихъ ножкахъ голову съ пивной котелъ, и выйдетъ карикатура... Въ Китаѣ карикатура еще проще—тамъ рисуютъ толстяковъ и худощавыхъ. Физическіе недостатки только тогда смѣшны, когда выражаютъ нравственные. Узкая голова—у идіота, красный носъ—у пьяницы, горбъ—у низкопоклонника. Льстецъ часто гнется въ дугу. Учитесь у Буша, у Каранъ-д'Аша. Подмѣчайте карикатурность характеровъ и событій, смѣшныя стороны общественной жизни. Карикатура—это вогнутое зеркало, дѣлающее смѣшныя гримасы изъ серьезныхъ лицъ, это преувеличенное отраженіе дѣйствительности. Она, какъ басня, превращаетъ въ ословъ и лисицъ нѣкоторыхъ джентльмэновъ, имѣющихъ съ ними сходство. Бываютъ такія метаморфозы, что въ дубъ вѣковѣчный превращается грубый педантъ или деревянный философъ. Папильоны и бабочки свѣтскихъ гостиныхъ иногда очаровательно порхаютъ въ карикатурѣ. Нечистая сила, съ лѣшими и кикиморами, выглядываетъ изъ органовъ ретроградной прессы, и боги Олимпа засѣдаютъ въ собраніи бюрократовъ. Посмотрите хотя на нашу Думу. Тамъ сидятъ «отцы города», которые, вмѣсто манной каши, кормятъ своего «бэбэ» проектами и налогами. Бѣдный городъ! Бѣдное дитя дюжины отцовъ! Мудрено ли, если вы, г. карикатуристъ, изобразите его рахитикомъ?

Шутъ.

За редактора Р. Голике.

ТЕАТРЪ „ФАРСЪ"

(б. Панаевскій, у Дворцоваго моста)

С. Ф. Сабуровъ.

Дирекція: А. М. Горинъ-Горяйновъ, С. К. Ленни, В. А. Казанскій.

ЕЖЕДНЕВНО СПЕКТАКЛИ

ПОДЪ

ЛИЧНЫМЪ РЕЖИССЕРСТВОМЪ

Сергѣя Константиновича

ЛЕННИ.

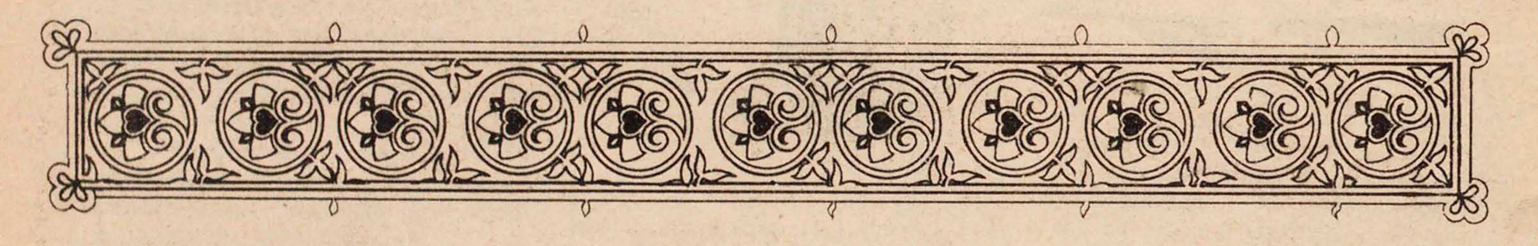
Значительно обновленный и усиленный составъ труппы.

Масса новинокъ

Новая обстановка.

А. М. Горинъ-Горяйновъ

Дозволено цензурою. Спб. 14 Января 1899 г. *Типо-Литографія Р. Голике. Спасская. 17*